

Дилан Тригг — современный британский философ, чьи исследовательские проекты, связанные с «поворотом к материальному», осуществляются на стыке феноменологии и психоанализа. Автор нескольких книг, среди которых «Эстетика распада» (*The Aesthetics of Decay*), «Память места: феноменология жуткого» (*The Memory of Place: A Phenomenology of the Uncanny*) и др. Используя темы и образы руин, мест памяти, анонимной материальности и телесности, а также отталкиваясь от таких философов, как Гуссерль, Левинас, Мерло-Понти, деконструируемых путем рассмотрения боди-хоррора 80-х гг., разрабатывает свой проект нечеловеческой феноменологии, призванной продемонстрировать возможности феноменологии мыслить иное и чужеродное за пределами, казалось бы, неразрывной связи бытия и мышления, позволяя тем самым не только «говорить от имени нечеловеческих сфер и существ», но и дать «нечеловеческому в человеческом говорить за себя».

Ниже представлена часть предисловия из книги Дилана Тригга «Нечто: феноменология ужаса» (*The Thing. A Phenomenology of Horror*), перевод которой готовится к публикации в издательстве Hyle Press. Название (*The Thing* — букв. «вещь») отсылает к известному научно-фантастическому фильму ужасов Джона Карпентера «Нечто» (*The Thing*), в котором группа ученых-полярников сталкивается с инопланетным организмом, способным имитировать и перенимать любую форму своих жертв, включая сюда их интеллектуальные функции, память и сознание. Так что распознать индивидуума, захваченного организмом, оказывается почти что невозможно.

Пустая, мрачная вселенная, скованная вечным холодом и сокрытая в нерушимой полнотной тьме; сквозь нее пролетают темные потухшие солнца, за которыми тянутся мертвые замерзшие планеты, присыпанные пылью — то прах незадачливых смертных, заставших угасание звезд. Так печально выглядит неопишимо далекое будущее.

Г. Лавкрафт. «Созвездия и туманности»

Планета в Солнечной системе. Съживаясь в черноте космоса, она испускает сигнал тревоги, принимающий форму эволюционного курьеза под названием «жизнь». Зелено-голубой шар медленно начинает преобразоваться. Глубокие каньоны изрывают поверхность планеты, континенты сжимают океан, казавшийся бескрайним; на суше вырастают города, делящие пространство с лесами. На одной бесконечно маленькой точке космоса теснятся множества существ; так планета становится обитаемой. словно из ниоткуда, на ней появляются новые жители. Они и станут править межзвездным ковчегом; возделывая земли и укрепляя свои владения структурами, которые назовут «домами». Они будут пребывать в уверенности, что планета суть их родина и будущее.

Ей же уготовлено медленное угасание. пройдут десятки тысяч лет, и наступит новый ледниковый период. Иссушенную пустошь медленно заполняют ледники. наступит время, когда и океаны скует холод, снимающий различия между сушей и водой. Города, ранее полнившиеся людьми, будут опустошены. Свет, заливавший планету, еще некоторое время будет нервно мигать в крошечной тьме ночи, но чернота заполнит все, окончательно стерев границы между небом и твердью. Те, кто откажется покидать планету, обратятся в мародеров, блуждающих по заброшенному миру. Жестокий холод, подчинивший себе климат, уничтожит фермерство и другие способы добычи пропитания. В поисках дома последние люди Земли будут вынуждены отправиться в древние леса.

Льды отступят. Следом угаснет солнце. Его затухание уничтожит жизнь, которой удалось удержаться на поверхности, и вынудит самые стойкие виды скрыться в океанских глубинах. Бесконечную линию горизонта, обозначенную горами пустого песка, будут прерывать лишь каменные глыбы. Небо, века назад укрывавшее планету своей синевой, станет пустым полотном, по которому будут прокатываться песчаные бури. Чуть больше времени потребуется, чтобы испарить океаны; обнажится дно, засыпанное солевыми курганами. Место, когда-то даровавшее жизнь, перестанет быть; границы между жизнью и не-жизнью наконец будут стерты. Не будет материи, кроме пустыни, разглаженной ветрами. Все, что могло существовать, прекратится, не оставив следов.

***

Слишком много лет философия полагала, что во всем своем разнообразии постгуманизм сулит лишь один сценарий избавления от пут антропоморфизма. Это умозаключение верно лишь отчасти. Если мы допустим мысль о необитаемом мире, заполненном руинами и дикими растениями, пред нашим мысленным взором появится другая земля — обещание новой философии. Продолжим эксперимент: после человечества мир не остановится. Он будет существовать без нас, и это вновь подчеркнет фундаментальную случайность человеческого вида.

Это трагическое осознание — первый шаг к созданию новой философии. Старая философия не могла помыслить мир не-чувственным и не-субъектным, низводя такой способ

мышления до уровня наивного реализма. Новая философия открыто защищает ценность реализма и сражается с любым проявлением антиреализма.

Новая философия оппонирует посткантiansкой традиции и критикует допущение, согласно которому любая философия должна удерживать субъект в центре внимания. Новое знание возможно после изъятия мира из субъектного поля. Объекты, ранее невинно украшавшие обыденность наших жизней, окутываются странной аурой. Не будем останавливаться и устремимся к притягательным дикостям нового мышления. Теперь даже слово «странная» позволяет устроить дискуссию о критическом переосмыслении существовавших норм. И в этом обсуждении вовсе не обязательно отдавать предпочтение человеческому голосу.

Феноменологическая традиция, нарушающая ровную линию означенного горизонта мысли, символизирует провал попытки помыслить мир за пределами субъекта. Ее метод не позволил достичь поставленной цели и разрушил мир объектов, воссоздав его в скудном «очеловеченном» виде. Феноменология зацементировала нерушимый союз субъекта и мира, который лучше всего схвачен в формулировке Хайдеггера: *бытие-в-мире*.

В ее тени, а также в угасающих лучах славы лингвистического идеализма и постструктурализма прозвучал новый призыв к постчеловеческой онтологии, освобождающей от неповоротливых мыслей о том, как мы, и только мы, можем познавать мир. Обещание философии, заменившей субъекты объектами, дарует образ мира, в котором нас больше нет. Он лишь напоминает о том, что новая философия знала с самого начала: человеческие существа никогда не были и не будут центром мироздания. Точнее, человечество может и дальше верить в свой особый статус; но теперь его вера и бытие онтологически равны резному деревянному столику или кровавым дождям, залившим штат Керала. Отношения между человеком и миром лишены особого статуса и уникальны в той же степени, что и отношения леса и ночи.

Сегодня смысл обещания объектно-ориентированной философии исказился. Смелое видение мира-без-нас стало медитацией на тему извечного вопроса: *какими Земля запомнит нас?* Мы достигли странного тупика. Пытаясь трансцендировать философию, связывающую субъект с миром, новая философия продолжает воспевать мир, оставленный людьми (как концептуально, так и эмпирически). Мы наблюдаем за рождением философии конца мира, питаемой осмыслением руин, оставшихся в качестве визитной карточки исчезнувшего человечества.

Однако остаются не только руины. За ними пульсирует настойчивая материя, само существование которой сулит философский апокалипсис. Если оценивать принципы ее бытийности с картезианских позиций, возможно, стоит переформулировать базовый принцип, большей частью заместив «Я мыслю» формулировкой «Оно существует». То, что переживает официальный конец света, — это нечто, которого никогда не должно было быть, анонимная материя, происхождение которой туманно. Нечто, являющееся не чем иным, как *телом*.

***

Эта книга служит двум целям. Первая — заново определить и описать феноменологию как философский метод исследования. Вторая — опробовать метод, исследуя ужас тела. Зачем нам понадобилось восстанавливать доброе имя феноменологии? Тому способствуют два обстоятельства. Одной из посылок является история ее метода, активно использовавшегося в XX столетии и применяющегося до сих пор. В этом контексте феноменология представляет способ философского вопрошания, связанного с определенным типом человеческого опыта, характеризуемого смысловым единством и последовательностью. Этические тенденции этой науки задают ее фокус на человеческое не меньше, чем эпистемологические ограничения.

С другой стороны, недавние достижения континентальной философии и вызовы, обозначенные Квентином Мейясу, вынуждают нас заново обозначить ее рабочее поле. В новом прочтении оно сужается до метода проникновения в феноменальную реальность, центром которой является человеческая субъективность; в этой реальности мышление за границами субъекта категорически невозможно. Эта книга работает с идеями Мейясу, но никоим образом их не оправдывает. Мы хотим подчеркнуть значимость некоторых из тезисов Мейясу, а вовсе не вступить с ним в сговор.

Феноменология, описываемая в этой книге, обращена к человеческим и нечеловеческим сущностям. Человеческий опыт полезен для нее лишь как отправная точка для дальнейших размышлений. На этом его роль заканчивается. За пределами человеческого ждет другая феноменология. Ведомые отнюдь не только человеческим голосом, мы покажем, как она может описать реальность, лежащую далеко за пределами человеческого. В этой книге мы стремимся защитить модель феноменологии, которая не просто представляет нечеловеческие реальности; она создана исключительно для работы с ними. Мы определим этот тип феноменологического исследования как «нечеловеческий» (unhuman). Почему мы выбираем такой термин? На то есть две причины.

Во-первых, использование префикса «не» (un) роднит концепт с понятием жуткого (uncanny), «не-ординарного». Обращение к нечеловеческому акцентирует подавление, синонимичное «жуткому» в трактовке Фрейда. Понятие «нечеловеческое» описывает ситуацию, в которой что-то потустороннее, не до конца принадлежащее человеческому миру, преследует и настигает человека. Такое толкование связывает нечеловеческое с вопросами отчужденности, анонимности и бессознательного (и, до означенного предела, также схватывается в эквивалентном, но тяжеловесном термине «ксенофеноменология»).

Во-вторых, определение нечеловеческого не отрицает человеческое, хоть и представляется грозной силой, ему противодействующей. Таковым оно видится через призму субъективного опыта. Включая человеческий опыт в общую картину мира, мы высвечиваем нечеловеческий элемент. Это вовсе не означает, что мы выбираем антропоморфизм. Скорее, это дает право голоса нечеловеческому, заключенному в человеческом.

Феноменология обнаруживает себя в очевидном тупике — значит, ее возрождение не просто было необходимо, но и началось в нужный момент. План — вернуть методу жизнённость и быстроту за счет расширения рабочей области, смещения фокуса с человеческого тела на абсолютно другое тело. Задача представляется так: выявить аспекты феноменологии, которые позволят объяснить ее повторное рождение из пены традиции.

Нечеловеческая феноменология противостоит утверждению «описание — гарант истинности»; так она обозначает разрыв с собой прежней. В таком прочтении нечеловеческая феноменология становится идеальной «чужой» феноменологией, заинтересованной отнюдь не в простой замене субъектов на объекты, а в определении самих границ изменчивости. Зачатки переопределенной науки можно обнаружить в менее известных работах Гуссерля, Левинаса и Мерло-Понти, на которых во многом опирается это исследование. Многие их концепты, включая анонимность, чужеродность и археологию, задают важные ориентиры для новой феноменологии.

***

Чтобы поместить эти идеи в контекст, необходимо обратиться к аффективному опыту [в] трансформируемой [нами] феноменологии. С этой целью феноменология сфокусируется на материальности тела, прежде чем перейти к рассмотрению такой материальности в качестве вместилища ужаса. Что такое тело? С одной стороны, ему присущи неотъемлемые

черты человеческого. Оно — вместилище ценностей и этических принципов, посредством которого возможно наше бытие-в-мире. Тело — не просто гомогенная масса, перемещающаяся между точками в пространстве; оно сообщает миру смысл. С другой стороны, тело подчинено физиологии, работу которой можно оценить в объективных терминах. Внутри тела сокрыты органы, изъятие которых сулит угрозу существованию нас как субъектов.

<...> Представляемое исследование также основывается на допущении, что мы определяем себя через тело. Однако, в отличие от классического феноменологического подхода, характеризующего тело как пространство общности и гармоничности, мы, скорее, толкуем его как контур, отделенный от субъекта и его личной истории.

Частью проблемы традиционной феноменологии является допущение, что исследуемое тело непреложно является человеческим. Эта ограниченность, безусловно, сделала работу исследователей более комфортной: для них человеческое тело стало вместилищем личной идентичности, доменом субъекта. В теле заключено богатое множество настроений, каждое из которых по-новому определяет отношения субъекта и мира. Нет сомнений в его наличном бытии, — будет разумно предположить, что каждого из нас с телом связывают какие-то отношения. Однако тело не всеобъемлюще; оно не в ответе за материальные условия, в которых появляется жизнь. В феноменологии телесный субъект вовсе не обязан быть человеческим субъектом. Используя все тот же концептуальный аппарат, стоит исследовать другую историю. Существо, врывающееся в тело и завладевающее его человечностью, в то же время сохраняющее тело в качестве своего хозяина.

Предлагаемое в качестве контраста тело — тело вне-этическое, предшествующее личной идентичности, и первичное по отношению к любой культурной ассимиляции. Важно заметить, что то, каким образом живое тело обнаруживает себя в потоке жизни, всецело случайно. Конкретная конфигурация человеческого тела никогда не конечна; она суть одна из частиц процесса изменений; частица, которая может принять другую форму. Тело, исследуемое в этой книге, не только предшествует человеческому, но и в каком-то смысле бросает вызов самому существованию человека. По крайней мере, оно дестабилизирует обыденный опыт бытия субъекта, обнаруживая неосвоенные глубины в самой сердцевине привычного существования.

По этой причине ужас, заявленный в названии, в первую очередь — телесный. Аффектированная реакция на пережитый ужас (далекая от эстетизации существования Чужого) — необходимый симптом переживания себя как другого. Ужас, введенный в проблемное поле феноменологии, не просто атакует традицию трактовки человека как целостного субъекта. Он выявляет структурные изменения, происходящие при превращении человеческого в нечеловеческое, обнажает тематический пласт этой трансформации. Ужас — главный критерий непротиворечивости концептуальной схемы нечеловеческой феноменологии.

Этот ужас будет проиллюстрирован как концептуальным ужасом, связываемым с деформацией самой феноменологии, так и выражающими [эту деформацию] примерами из литературы и кинематографа. Фильмы Джона Карпентера и Дэвида Кроненберга, рассказы Говарда Лавкрафта показывают нам, как тело может стать вместилищем иной жизни. Жизнь, заявляющая себя внутри человеческого тела, может не быть человеческой. Ужас тела предает антропоцентричную феноменологию и сулит ее глобальное обновление. Таким образом, тело становится основной темой исследования, поскольку в его пределах мы способны распознать жуткое, другое и избегающее включенности в человеческое.

<...>